

"Все уроки, которые стоит усвоить, пропитаны кровью". -Грозная Императрица Триумфальная, Первая и Единственная ее имени Мы ехали в Атер. Я заставлял себя бодрствовать на уроках фехтования и продолжал читать, но с самого Саммерхольма я не сказал Блэку ни слова. Вокруг нас во все стороны простирались поля, фермы и луга, насколько хватало глаз: большинство из них были пусты. Фермеры, похоже, знали о приближении имперского отряда и избегали встречаться с нами взглядом. Вечера я проводил в тишине, глядя на закрытые книги и думая о городе, который только что покинул. Я совершил ошибку. То, как я отреагировал в день повешения, не давало мне покоя, и я не находил этому никакого объяснения. О, я все еще испытывал большее отвращение, чем мог выразить словами. Я и раньше отнимал жизни, но узнать о жертвах было совсем другим делом. Я убивал во имя справедливости, когда никто другой не хотел ее восстановить. Я убивал в бою, когда враги не оставляли мне другого выбора.

То, что трое заключенных, независимо от того, как они оказались в камере смертников, были зарезаны как скот, чтобы сохранить мне жизнь, до сих пор вызывает у меня тошноту. Они умерли не ради великой цели, они умерли ради меня. Их использовали ради их крови, как животных. Их смерть была непрошеной, и не по моей вине, но, тем не менее, это была моя ответственность.

Что касается повешения... Теперь, когда накал страстей прошел, я понял, что они были обречены на смерть. Рыцарь не ошибся в том, что они совершили измену. Если бы их пощадили, это ослабило бы власть Империи и выпустило бы на свободу стаю заговорщиков, уже участвовавших в убийстве губернатора. Однако эта мысль не распространялась на сочувствующих, которые погибли, как и все остальные. Сколько человек в Потерянной короне действительно входили в состав Сынов Стрегеса? Группа была небольшой и неэффективной до того, как в нее вмешался Одинокий Мечник. Их было явно не пятьдесят, и именно столько попало в петлю. Были ли они невиновны? Нет, возможно, и нет. Но в основном они были виновны в ненависти к Империи, а как их можно винить за это? Если бы Черные повесили всех сочувствующих в Саммерхольме, в городе не осталось бы никого, кроме Легионов.

Однако этого было недостаточно. Этого было больше. Не помогло и то, что накануне вечером я едва не лишился жизни, а сразу после пробуждения мне рассказали о смерти за смертью. У меня до сих пор трясутся руки, когда я вспоминаю, как близок был к смерти в ту ночь, медленно истекая кровью на полу, когда герой уходил. Если бы он был хоть немного более внимательным, хоть немного менее уверенным в том, что моя рана убьет меня... Я сделал глубокий вдох и выпрямил руку. Мысль о том, что снова придется вступать в бой, закрадывалась в душу, и я ненавидел каждую минуту. Шепот толпы в какой-то мере подтолкнул меня. Несмотря на то, что я противился им, даже сейчас воспоминания о них жгли меня. Я думал, что готов к тому, что мой народ назовет меня предателем, я шел на это, зная, что они будут считать меня таковым, но, пережив это, я понял, что был совсем не таким. Какая-то часть меня хотела отделить себя от происходящего, доказать, что я не предаю землю, которую хотел спасти.

Разговор с Мечником не давал мне покоя. "Как ты можешь оправдывать работу на этих тиранов?" - спросил он. Тогда я отмахнулся от него как от очередного героического имбецила, но... Я нахмурился. Не было никакого "но". Не должно быть никаких "но". Почему единственный разговор с человеком, к которому я не испытывал ни малейшего уважения, так потряс меня? Он ведь не привел ни одного веского аргумента. Просто банальности о королевствах и знаменах, сентиментальная логика, которую использует человек, не имеющий твердых оснований. Я чего-то не понимал. Я все еще не чувствовал своего Имени, а в последний раз чувствовал его после того, как отпустил героя, - они были как-то связаны. Я не выдержал какого-то испытания: моя Роль сочла меня в чем-то неполноценным. Меня жгло, что единственным человеком, с которым я мог обсудить это, был Черный Рыцарь, а я просто не

мог.

Если не принимать во внимание, что я сознательно пытался подтолкнуть героя к началу восстания в Кэллоу, одного его вида было достаточно, чтобы наполнить меня холодной злобой.

Три раза его голос становился странным, когда он отдавал приказы. Трижды я подчинялся, независимо от того, чего хотел. То, что он случайно завладел моим собственным телом, я не собиралась забывать - и никто не держал обиды так, как Каллоуэнс.

Дни шли один за другим, а я все копался в книгах. Как оказалось, большинство из них были историческими. Праэс был в полном беспорядке еще до провозглашения Империи: на севере существовало не менее четырех сонинских королевств, воевавших друг с другом за земли, а в Голодных Песках племена пустыни жестоко истребляли друг друга из-за постоянно скудеющих ресурсов. Больше они ненавидели только друг друга: Тагреб часто совершал набеги на самые южные королевства Сонинке, похищая все, что попадалось под руку, и сжигая остальное. В те времена племена гоблинов в Серых Глазах были не более чем навязчивой идеей, хотя они уже ковали железное оружие, когда все остальные еще пользовались бронзой. В каком-то смысле Клань была той силой, с которой приходилось считаться в те времена: люди осторожно обходили их стороной, опасаясь огромных орд зеленокожих в Степях, которые обрушивались на них, как поток смерти, каждые несколько десятилетий.

Однако это был слабый отвлекающий маневр, и напряжение нарастало с каждым днем. К тому времени, когда мы добрались до Благословенного острова, оно стало почти непереносимым. Бесплодная скала посреди реки Васалити была самым дальним миезанским оплотом на континенте, который должен был стать ступенькой для вторжения в древний Каллоу, но Лицерианские войны поставили крест на этих перспективах. С тех пор крепость сотни раз переходила из рук в руки, но массивный каменный мост, соединяющий остров с землей с обеих сторон, до сих пор стоит нерушимо, свидетельствуя о превосходстве миезанской инженерной мысли. Древний форт превратился в огромный замок после падения Грозной Императрицы Триумфаторши, когда Королевство Каллоу окончательно присвоило его себе. До Завоевания это была крепость-храм Ордена Белой Руки - закованных в сталь паладинов, охранявших восточную границу королевства. Веками они были чумой для Империи, совершая набеги даже за пределы Зеленой полосы.

До сих пор поют песни о том, как они подъехали к Девяти воротам Атера, оставив труп генерала праэси на виду у городских стен в качестве предупреждения против замыслов на западе.

Теперь это были руины, сам камень почернел и сгорел от крупнейшего в истории Праэси применения огня гоблинов. Орден Белой Руки был стерт с лица земли под корень, паладины были убиты до последнего мужчины и женщины, чтобы никогда больше не подняться. Именно тогда Кэллоу начал воспринимать нового Черного рыцаря всерьез, хотя и не совсем достаточно: две недели спустя печально известная резня на Стрежневых полях фактически сломила большую часть военной мощи Королевства. Мы ехали под разрушенными арками единственных ворот в тишине, ветер, набрасывающийся на руины, жутко походил на дирг. Говорили, что если прислушаться, то можно было услышать крики двух тысяч заживо сожженных.

Солнце садилось, и черногвардейцы сразу же принялись разбивать лагерь под одной из больших башен, ставя палатки и разжигая костер. Некоторые из них ушли на охоту, поймав горстку кроликов, которых они собирались превратить в рагу, сняв с них шкуры и положив их в железный котел. Я оставил Зомби в том месте, которое, должно быть, когда-то было внешней

конюшней, избегая общества Блэка и Капитана, сидевших у костра. Я мог бы просто уйти в свою палатку с книгой и свечой, но после долгого дня езды мне захотелось размять ноги: я забрел в развалины, не совсем понимая, что ожидаю там найти. Крепость, как я выяснил, была основательно разрушена. Даже внутренности большинства строений были выжжены, ни одна крыша не уцелела при захвате Острова. То тут, то там из-под обломков выглядывали скелеты, а сами кости почернели и искорежились, как мрачное напоминание об опасности гоблинского огня.

По правде говоря, я не знал, почему Империя так и не удосужилась отстроить и гарнизонировать Благословенный остров. Как единственный путь через реку, он казался ключевой позицией, которую следовало бы удерживать, но прези, похоже, были достаточно счастливы, чтобы оставить его в руинах. Может быть, это предупреждение против неповиновения? Может быть, даже они были обеспокоены тем, что произошло здесь во время Завоевания. Я позволил своим ногам вести меня туда, куда они чувствовали, и в конце концов оказался у южной стены. Отсюда открывался поразительный вид. На западе горизонт застилала поля, окрашенные в красный цвет светом заходящего солнца, а на востоке, за пределами видимости, простиралась Имперская дорога. Я знал, что она идет до самого Атера - один из самых масштабных проектов Империи. Грозный император Тенебрус, - вынырнул я. Он был одним из тех, кто добился этого. В начале своего правления он казался многообещающим правителем, пока не заключил слишком много сделок с подземным миром и не уверился в том, что он - гигантский паук, застрявший в теле человека.

После этого все стремительно пошло кувырком.

В конце концов, достопримечательности мне надоели, и я спустился по полуразрушенной лестнице, чтобы вернуться в лагерь. Я проголодался, а до сна мне еще предстояло прочитать несколько книг. Я вышел в открытый двор, окруженный квартетом небольших бастioned, но остановился на месте, поняв, что я уже не один. Присев на чудом не тронутую каменную скамью, за мной с приятной улыбкой наблюдала удивительно красивая девушка Сонинке. Я потянулся за мечом, но тут же понял, что оставил его в лагере - вне занятий я его больше не носил. У меня был только нож, и даже в угасающем свете было видно, что у Наследницы на коленях лежит обнаженный клинок. "Екатерина Найденыш, - приветливо проговорила темнокожая девушка с певучим акцентом мтетва. "Давно пора было познакомиться как следует". "Наследница", - ответила я. "Не думал, что вы будете склонны к разговору после того, что вы сделали в Саммерхольме". Аристократка элегантно пожала плечами.

"Ничего личного, Кэтрин", - сказала она мне. "Тогда я думала, что вы представляете угрозу. Вот как ведется игра, да?" Я стиснула зубы. Она натравила на меня трех других претендентов - ну, может быть, двух, Рашид, скорее всего, добрался туда сам - и ничего личного? Через мгновение я нахмурился. "Тогда", - осторожно повторил я. Наследница улыбнулась, тепло и дружелюбно. "Теперь я знаю лучше. Я не была уверена, после того как ты отпустил героя, но после того, что ты продемонстрировал во Дворе Мечей, сомнений быть не может". У меня кровь стыла в жилах. На стенах больше никого не было, когда я столкнул Одинокого Мечника в реку. Как она могла... Нет. Возможно, она догадывается. Не нужно давать ей в руки рычаги, которых у нее может не быть. "Не понимаю, о чем ты говоришь", - хмыкнул я. "Мечник сбежал сам - герои так делают, знаете ли".

Красивая девушка рассмеялась. "Конечно, он это сделал. Я отказываюсь от любых намеков на обратное. Тем не менее, нам нет нужды враждовать. Я пришла с предложением мира, видите ли". Я поднял бровь. "У меня сложилось впечатление, что ваша Роль и моя должны были враждовать", - заметил я. "Так и было бы", - согласилась она. "Если бы ты был настоящим сквайром". Мои пальцы сомкнулись на рукоятке ножа. "Не хотите ли вы повторить это?"

прошептал я. "Я не совсем понял, что вы сказали". Она отмахнулась от угрозы. "Ну что ты, подкидывай, ты же не хочешь стать сквайром? Если бы ты хотел, то той прискорбной сцены в Саммерхольме не случилось бы". "Я убивал за это Имя", - холодно ответил я. "Осторожнее, Наследница". "Я убивал за хорошие места в театре, моя дорогая", - усмехнулась Сонинка. "Так уж заведено в Пустоши. Вот почему мы тебе так не нравимся, не так ли?"

"Если вы ищете страстную защиту моральных устоев Praesi, - сказал я сквозь стиснутые зубы, - то, боюсь, вы лааете не на то дерево". "О, я с вами совершенно согласна", - с чувством сказала мне Наследница. "Вы другая, Кэтрин. Попытка стать одной из нас может только навредить тебе. Поэтому я предлагаю вам выход". Что? "Сейчас ты чувствуешь себя в ловушке, - сказала мне другая девушка, - но это не так. Меня ждет корабль, и я могу доставить тебя обратно в Лор в целостности и сохранности. Или куда угодно, куда ты захочешь. Ты сможешь начать жизнь заново, без всей этой неразберихи, которая висит у тебя над головой. Сегодня вечером. Только скажите". Мое сердцебиение замерло. Она говорила правду. Я знал это до мозга костей, она говорила правду. Если я соглашусь, то сегодня же сяду на корабль и уеду, пока никто не успел меня поймать. Вернуться в Лор я, конечно, не мог, но мог плыть по Васалити до Меркантиста и пробираться в Вольные города. Там я буду вне досягаемости Империи. Безопасно.

"А если я откажусь?" тихо спросила я. "А ты?" Наследница пробормотала, приятная улыбка оставалась неизменной. "Откажешься?" У нее была такая красивая улыбка. Жаль только, что она не доходила до глаз. "Думаю, да", - сказал я. Она вздохнула, скрестив ноги. "Я надеялась, что мы сможем сделать это, не прибегая к неприятностям", - проговорила она. "Вы уверены, что мы не сможем договориться?" "С каждым мгновением все больше", - ответил я категорично. "Ну что ж, - сказала Наследница, и вся притворная любезность исчезла. "Пока мы с вами разговариваем, мои люди окружили ваш приют в Лоре. Если я дам слово, к утру все, кто там находился, будут мертвы. Матрона, девочки, с которыми вы жили в одном общежитии, даже дети. Все до единого будут преданы мечу, если только вы не откажетесь от своего Имени сегодня ночью".

Во второй раз моя кровь похолодела. Она произнесла свою угрозу так, как другие люди говорят о погоде - как будто в этом не было ничего особенно примечательного, просто способ завязать разговор. Может быть, она блефовала? Возможно. Но у нее были средства, чтобы все устроить, и она не была похожа на человека, боящегося использовать все имеющиеся в ее распоряжении средства. "Я не требую от вас жизни, - терпеливо сказала мне Наследница. "Я не прошу у тебя жизни, - терпеливо сказала мне Наследница, - просто уйди с дороги". "Если ты дашь слово", - повторил я. "Это предполагает, что вы живы, чтобы сделать это". Она рассмеялась. "Я пришла в полноте своего Имени, Екатерина. Ты бессильна и почти безоружна. И если тебе этого недостаточно..." Она щелкнула пальцами, и в почти полной тишине из раздвигающихся теней вышли четыре силуэта. Толстые плащи скрывали их черты, но арбалеты, которые они направили на меня, было не скрыть. Они рассредоточились по двору, их линии огня пересекались только на мне.

"Будьте благоразумны, Екатерина", - сказала Сонинка. "Сдаться - единственный разумный выход, который у тебя остался". Я закрыла глаза. Сколько девочек было в приюте? Не менее сорока, и треть из них не старше десяти лет. Она убьет их и не сомкнет глаз, если сочтет нужным. Боже, как мне все это надоело. Не прошло и месяца, а я уже так устала. Я открыл глаза и выдохнул, глядя в небо. Луна погасла. Я засмеялась. "Спасибо", - сказал я. Наследница нахмурилась. "Я тоже должна поблагодарить Блэка, я полагаю", - тихо продолжила я. "Это был урок, который я должен был усвоить". "Я не понимаю", - призналась моя соперница. "Я, видите ли, не о том думаю. Я вырос в Каллоу, и мы смотрим на вещи по-другому. Мальчик-пастух берет в руки судьбоносный меч, убивает дракона, и оказывается, что он всегда был принцем". Я улыбнулся ей. "Это никогда не было такой историей".

Боги, как же я этого хотел. В глубине души я думал, что, делая добрые дела под ролью Зла, я смогу пройти через это. Что я смогу пройти эту черту, не замарав руки так, что буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. "Сделай это", - сказал я. "Убей их. Если я уступлю один раз, ты будешь использовать это против меня снова и снова". Я не мог победить монстров, будучи лучше их. Этого во мне никогда не было. Слишком много нетерпения, слишком много безрассудства. Но это не страшно. Был другой способ: стать большим монстром. "Ты думаешь, я блефую?" спросила Наследница, голос низкий и опасный.

"Я знаю, что это не так", - признался я. "Поэтому я скажу так: если хоть один из них умрет, я поставлю вам памятник за разрушение. Все, что когда-либо доставляло тебе радость, я обращу в прах. Всех, кого ты когда-либо любил, я сломаю так основательно, что они умрут, проклиная твое имя. Я уничтожу все, чего ты когда-либо добился, сотру с лица земли все, что ты сделал, и не останется ни одного человека, который помнил бы, что ты вообще родился. Я не получу от этого никакого удовольствия, но я сделаю это". С холодными, как лед, глазами я обнажил зубы. "Я сделаю это, чтобы в следующий раз, когда какой-нибудь самодовольный урод с Праэси скажет мне сдаться, я мог указать на пустошь, которая когда-то была твоим домом, и посмотреть, как они вздрогнут". "В тебе этого нет", - ответила она с пустым лицом. "Попробуй", - прошипел я. Под красивой маской скрывался страх, и я наслаждался этим. Этим ублюдкам давно пора было начать воспринимать меня всерьез. "Я могу убить тебя здесь и сейчас", - сказала Наследница.

"Можно попробовать", - поправил я, задыхаясь от смеха. "Вот я, брошенный своим Именем, с одним лишь ножом, чтобы защититься. А у тебя на коленях четыре здоровенных мужика с арбалетами и шикарным мечом. Посмотри мне в глаза, Наследница, - разве я выгляжу испуганной? Ты увеличил шансы, но достаточно ли их увеличил?" Она колебалась. Я никогда не чувствовал себя более живым, чем в тот момент, когда эта маленькая умная негодница взглянула на меня, стоящего в одиночестве в ее ловушке, и заколебалась. У меня не было ничего, кроме гнева, но и этого было более чем достаточно. Я сражался без Имени задолго до того, как встретился с Бедствиями. Я мог сделать это снова. "Убей ее", - приказала Наследница, но я уже двигался с ножом в руке.

Три струны зазвенели, и я почувствовал, как болт прошел на расстоянии волоска от моего горла. Слишком медленно. Я был на первом человеке еще до того, как он успел вскинуть арбалет: Я скользнул за ним, позволив последнему выстрелу вонзиться ему в живот. Положив руку ему на плечо, я провел ножом по его горлу и позволил ему упасть на землю. К тому времени, когда я снова начал двигаться, Наследницы уже не было видно. Глупо с твоей стороны, моя дорогая. Если бы ты осталась, то могла бы победить. Когда я добрался до второго мужчины, он уже выхватил меч, но, сражаясь каждое утро с настоящими чудовищами, я мог бы посмеяться над тем, как небрежно он стоял на ногах. Он замахнулся слишком резко, и я проскользнул внутрь его защиты, вогнав свой клинок в его глаз до самой рукояти. Я выхватил меч, прежде чем он успел упасть на землю, и позволил третьему подойти ко мне, когда последний приспешник закончил перезарядку. Я щелкнул кончиком клинка в его сторону, и он настороженно отступил, хотя я кружил, чтобы держать его между собой и человеком с арбалетом.

Он, казалось, не хотел нападать, и я усмехнулся, поняв почему: он боялся меня. Они оба боялись. Двух других я убил так, словно это была просто прогулка по рынку, а их нанимательницу отправил в бега, даже не вступая с ней в бой. Я рванул вперед, позволяя ему поймать мой меч на парирование - он слишком старался держать меня на расстоянии, и это стоило ему того, что я выронил меч, чтобы поймать его запястье. Его глаза расширились в панике, но прежде чем он успел произнести хоть слово, я ударил его в живот. Доспехов не было, только мягкая плоть, и я разжал пальцы, освобождая его от меча, и стал рубить им по

шее, словно собирая пшеницу. Я перевел взгляд на последнего - окровавленный клинок в руке, наконечник арбалета дрожал в его нетвердых руках. f0e0000n0v0l. 0000 "Молись, чтобы не промахнуться", - сказал я. "Ты умрешь раньше, чем успеешь перезарядиться".

Выпрямив руки, мужчина тщательно прицелился. Смог бы я увернуться от ссоры или нет, осталось бы загадкой: прежде чем он успел что-либо предпринять, рука тени пробралась к его горлу и начала душить. Приспешник судорожно дергал лапами, но тень оставалась на его коже. Прошла минута, и он упал на землю с посиневшим лицом и налитыми кровью глазами. Я обвел взглядом двор и увидел, что сзади на стене сидит Блэк, свесив ноги с края. Он выглядел забавным, на его лице снова красовалась маска праздности, которую он любил изображать. Темноволосый мужчина молчал, отламывая кусок хлеба и засовывая его в рот. Я подошел к первому убитому, вынул нож и вытер лезвие о его плащ. Убрал нож в ножны, я почувствовал, как глубоко внутри меня зашевелилось Имя, и жестко улыбнулся. Понравилось, да? Хорошо. Мы с тобой еще далеко не закончили. Медленно я повернулся лицом к Черному Рыцарю.

"Я пропустил достаточно уроков", - сказал я. "Давайте приступим к работе". Как ты можешь оправдать работу на этих тиранов? спросил Одинокый Мечник. Наконец-то я получил ответ. Оправдания имеют значение только для справедливых.

<http://tl.rulate.ru/book/93177/3199026>